

УДК 316.6

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПРОФИЛАКТИКИ ТРАВЛИ В ШКОЛАХ,
ОБУЧАЮЩИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С МИГРАНТСКОЙ ИСТОРИЕЙ

Кошенова М.И.

кандидат психологических наук, доцент,

заведующий кафедры социальной психологии и виктимологии

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

г. Новосибирск

[*koshenova.m.i@gmail.com*](mailto:koshenova.m.i@gmail.com)

Клепикова Н.М.

кандидат психологических наук,

доцент кафедры социальной психологии и виктимологии

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

г. Новосибирск

[*nataliaklepikova@ya.ru*](mailto:nataliaklepikova@ya.ru)

Белобрыкина О.А.

кандидат психологических наук, доцент,

доцент кафедры социальной психологии и виктимологии

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

г. Новосибирск

[*olga.belobrykina@gmail.com*](mailto:olga.belobrykina@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена выявлению «болевых точек» организации профилактики травли в образовательных учреждениях, обучающих детей и подростков с мигрантской историей, в том числе в школах с преобладающей численностью детей мигрантов. Обсуждаются трудности диагностики детей-инофонов, сложности оказания им психологической помощи, специфика

буллинг-процессов в школах с разной численностью детей мигрантов и школьников «принимающей стороны». Представлены эмпирические данные (пилотажное исследование), позволяющие обсудить специфику буллинг-процессов в среднем звене школьного обучения (6-9 классы) в контексте мигрантской истории. Анализируются причины трудностей управления рисками, ограничения ресурсов в реализации профилактических программ, рассматриваются вопросы снижения рисков и повышения факторов защищенности наиболее уязвимых групп.

Ключевые слова: травля в школе, подростки, многонациональные классы, школьники из числа мигрантов, профилактика и исправление.

Финансирование. Работа выполнена в рамках ГЗ № 073-03-2025-062/6 по теме «Профилактика травли (буллинга) в образовательных учреждениях, обучающих большое количество детей-мигрантов».

*PROBLEMATIC AREA OF BULLYING PREVENTION IN SCHOOLS TEACHING
CHILDREN AND ADOLESCENTS WITH A MIGRANT BACKGROUND*

M.I. Koshenova

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Social Psychology and Victimology
FGBOU VO "Novosibirsk State Pedagogical University"*

Novosibirsk

[*koshenova.m.i@gmail.com*](mailto:koshenova.m.i@gmail.com)

N. Klepikova

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Department of Social Psychology and Victimology
FGBOU VO "Novosibirsk State Pedagogical University"*

Novosibirsk

[*nataliaklepikova@ya.ru*](mailto:nataliaklepikova@ya.ru)

O.A. Belobrykina

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

*Associate Professor, Department of Social Psychology and Victimology
FGBOU VO "Novosibirsk State Pedagogical University"
Novosibirsk
belobr@mail.ru*

Abstract. *The article is devoted to identifying the "pain points" of organizing the prevention of bullying in educational institutions that educate children and adolescents with a migrant background, including schools with a predominant number of migrant children. The authors consider the difficulties of diagnosing non-native speaker learners, the difficulties of providing them with psychological assistance, the specifics of bullying processes in schools with a different number of migrant children and schoolchildren of the "receiving party". Empirical data (pilot study) are presented to discuss the specifics of bullying processes in the middle level of school education (grades 6-9) in the context of migrant background. There analyzed the reasons for the difficulties of risk control, resource limitations in the implementation of preventive programs, considered issues of risk reduction and increasing the security factors of the most vulnerable groups.*

Keywords: *school bullying, adolescents, multinational classes, schoolchildren with a migrant background, prevention and correction.*

Funding. *The work was carried out within the framework of GZ No. 073-03-2025-062/6 on the topic "Prevention of bullying in educational institutions that teach a large number of migrant children."*

Школьная травля (буллинг), - достаточно изученный и описанный феномен, не только остается не решенной проблемой, но и имеет свою мифологию, пагубно сказывающуюся на педагогической практике.

Существует иллюзия, что буллинг - это прерогатива средних классов школы, но на самом деле мы сталкиваемся с жесткими формами преследования и унижения уже в начальных классах. Справедливости ради отметим, что младшие школьники чаще реализуют травлю под покровительством педагога, и он же может этот процесс достаточно эффективно остановить.

В классическом определении буллинга обязательный компонент – систематическое унижение. Но в нашей практике консультирования были студенты 22 и 24 лет, которые столкнувшись с единственным эпизодом травли в средних классах школы, всё ещё тяжело из этого выбирались уже в более зрелом возрасте.

Один из наиболее распространенных мифов -миф о том, что жертва – это неуверенный, беспомощный, с низкой самооценкой, т.е. специфическим набором личностных качеств, ребенок. Часто эти выявляемые в эмпирических исследованиях характеристики становятся уже следствием травли. Мировой опыт исследования буллинга показывает, что жертвой травли может стать любой человек, с любым набором личностных характеристик. Учитывая тот факт, что любая группа, будь то школьный класс или студенческая группа, офис компании или кафедра вуза, имеет своего аутсайдера, который выполняет свою «экологическую» функцию, в ситуации многоуровневой трансляции моделей агрессивного поведения, аутсайдер легко превращается в жертву жёсткой травли. Вероятно, «живучесть» данного мифа обусловлена тем, что убежденность учителя в том, что «жертва, потому и становится жертвой, что этого заслуживает», позволяет педагогу снять с себя ответственность за деструктивные процессы.

Этнический аспект буллинг-процессов – это, скорее, не «история с искажениями», а всё ещё «зазеркалье», требующее пристального изучения для выстраивания более эффективных программ профилактики.

Одним из существенных ограничителей в изучении проблемы школьной травли в контексте межэтнических отношений является миф о том, что «мигрантов уже значительно меньше/мигрантов скоро совсем не будет». Но миграционные процессы являются несомненным атрибутом современного мира, и Россия не является исключением. Очевидный рост количества детей и подростков иностранных граждан и уже российских, но с мигрантской историей (своей или родителей) приводит к неуклонному росту числа многонациональных классов и школ, в том числе с преобладанием школьников-инофонов, (г.г.

Екатеринбург, Котельники, Новосибирск, Челябинск и др.), особенно в регионах с максимально «доброжелательной политикой» в отношении трудовых мигрантов (Новосибирская область является одним из таких регионов).

Второй фактор, препятствующий изучению межэтнического аспекта школьной травли, связан с отрицанием наличия специфики (особенностей) буллинг-процессов в многонациональных группах. В то же время существует значительное количество зарубежных исследований с эмпирическими данными, освещающих именно этнический и расовый аспект проблемы (Armitage, 2021; Maynard et al., 2016 и др.), тогда как в отечественной науке представлено незначительное число таких работ, особенно в контексте обучения детей мигрантов (Андронникова, Кошенова, 2025). Анализ публикаций научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU за последние 5 лет (2021-2025) показывает, что исследований, представляющих конкретные эмпирические данные, очевидно недостаточно. Используемые в качестве ключевых слова «дети мигрантов+буллинг» (и вариации), «дети мигрантов + травля» (и вариации) позволяет отметить повышенный интерес к данной теме – 286 статей, но только 10 из них содержат реальные эмпирические данные, позволяющие делать обоснованные, а не умозрительные выводы о сути школьной травли в многонациональных школах.

Закономерно, что и рекомендации по организации профилактической работы в многонациональной среде, как правило, не учитывают содержательную специфику организации профилактической работы в школах, обучающихся большое количество детей мигрантов.

Отметим, на первый взгляд очевидные, но не учитываемые в полном объеме проблемы, требующие особого внимания.

1. *Отсутствие объективных данных, позволяющих целенаправленно управлять рисками.* Органы управления образованием имеют сведения о численности школьников-иностранцев, но часто не обладают объективной информацией об обучающихся, имеющих статус российского гражданства, но не владеющих (или крайне слабо владеющих) русским языком.

Это определяется и сложившейся системой отчетности, и динамикой изменения места проживания прибывающих-убывающих мигрантов, и изменением статуса гражданства.

Так, например, в одной из школ г.Новосибирска несовершеннолетние обучающиеся иностранные граждане составляют 33 % от общей численности, тогда как учащиеся с миграционной историей (на настоящий момент уже граждане РФ) дополнительно представляют 48,6% от всех обучающихся. Очевидно, что миграционная нагрузка в данной школе значительно выше официальной статистики.

2. *Языковой барьер* остается одной из ключевых проблем. Фильтр на знание русского языка (языка обучения и воспитания в образовательном пространстве, которым владеют педагоги) при приеме в школу применим только по отношению к детям, не являющимися гражданами РФ. Языковой барьер является серьезной проблемой и для выявления школьной травли при помощи диагностики, и для оказания психологической помощи участникам буллинг-процессов.

3. *Трудности выявления буллинга:*

Очевидно, что буллинг является одной из наиболее закрытых тем для исследователей (Белобрыкина, 2025). Так, в деаномизированном исследовании, проведенном в 2023-2024 году в рамках совместного проекта НГПУ и НИУ ВШЭ «Зеркальные лаборатории» в 14 школах г. Новосибирска исследование (Д. Александров, А. Андронникова, М. Кошенова и др.), направленном на выявление факторов социально-психологической адаптации детей-мигрантов (4137 учащихся 5-9 классов 14 школ), было выявлено, что процент жертв буллинга среди детей-инофонов и детей с родным русским в целом по выборке не отличался: доля детей, считающих себя жертвой буллинга, составила от 5 до 12%; доля агрессоров – от 2 до 12%.

При этом анализ полученных данных позволяет утверждать, что при деаномизированном исследовании школьники активно включают «эффект фасада» (или ретуширование реальности), что обусловлено прямыми

посланиями учителей и родителей детей мигрантов на трансляцию только «правильных», «хороших» ответов. Так, при декларируемом позитивном отношении к школе и учителям в «Неоконченных предложениях» встречаются ответы:

«Очень добрые учителя, очень добрые, но бывают злые»

В одной и той же анкете:

«У нас в школе...весело и дружно»,

«Ученики разных национальностей... должны дружить, но они ссорятся»

В одной и той же анкете:

«Если в классе кого-то обижают...у нас таких нет»

«Я бы хотел, чтобы мои одноклассники...дружили нормально и не били друг друга».

Тем не менее, важно отметить, что даже в деаномизированном исследовании, процент детей, которые сообщили, что они проявляли агрессию по отношению к одноклассникам, выше среди инофонов, чем среди детей с родным русским; хотя эта разница статистически незначима. Как минимум, в 3 школах численность детей-инофонов, признающих свое агрессивное поведение по отношению к одноклассникам, в 2 раза больше, чем русскоязычных сверстников. Такая картина вполне согласуется с данными В. С. Собкина и М. М. Смысловой (2014 г.), полученными в русскоязычных школах Риги.

Языковой барьер также ограничивает возможности диагностики (дети-инофоны не всегда понимают смысл вопросов и утверждений, что может ставить под сомнение получаемые диагностические данные, и определяет необходимость уточнения данных); но и родным письменным дети также не владеют (перевод диагностического материала на родной язык школьника-мигранта ситуацию ни в коей мере не улучшает).

Кроме того, языковой барьер определяет и то, что *учитель зачастую не имеет возможности оценить вербальные угрозы, оскорбления, обсуждение деструктивных планов и пр., а, следовательно, существуют ограничения выявления буллинга первичным звеном профилактики.*

Опрашиваются только присутствующие; соответственно, «выпавшие из системы», не посещающие уроки, в том числе по причине буллинга, не опрашиваются, и потому достаточно часто педагоги-исследователи представляют «благостную картину» о всеобщей дружбе и миролюбии.

4. Буллинг-процессы имеют свои особенности, при включении в них детей с мигрантской историей, которые необходимо учитывать при выстраивании профилактических программ:

В нашем пилотажном исследовании 2025 года (433 школьников, 61 из школ с преобладающим числом детей-мигрантов, основной инструмент исследования – «Неоконченные предложения», модифицированные в соответствии с целью исследования; критерий Фишера и хи-квадрат) было выявлено, что дети с мигрантской историей значительно реже, чем их русскоязычные сверстники, оценивают атмосферу в классе положительно ($\varphi=2,635$ при $p<0,01$), чаще явно или косвенно сообщают о травле или ненависти друг к другу ($\varphi=2,935$ при $p<0,01$), что позволяет предположить, что их агрессия может носить «защитный характер». Но еще более важным для организации профилактической работы является тот факт, что дети-мигранты, независимо от их численности в школьном пространстве (преобладают или представлены в меньшинстве), по сравнению с подростками «принимающей стороны», реже готовы встать на защиту жертвы ($\varphi=3,507$ при $p<0,01$), не видят оснований для того, чтобы не дружить с активными булли ($\varphi=2,526$ при $p<0,01$).

Отметим также, что данное исследование показало, что в том случае, если школьники-подростки представлены в меньшинстве (независимо от того, являются ли они меньшинством «принимающей стороны» или меньшинством с мигрантской историей») испытывают своеобразную «социальную робость», которая выражается в том, что сами они не берут на себя инициативу в установлении дружеских контактов, они готовы общаться с теми, кто им дружбу предложил (независимо от личных качеств и реального отношения). Мы полагаем, что данный факт является аргументом в пользу выбора для программ превенции школьной травли психологических игр или тренинговых занятий,

позволяющих прежде всего предъявить свое «Я» одноклассникам, выстроить новые интеракции, и на основе этого учиться эффективно разрешать конфликты и противостоять буллингу.

5. *Трудности в оказании психологической помощи школьникам с мигрантской историей.* Помимо уже отмеченного языкового барьера, препятствующего диагностике и полноценной консультативной помощи, необходимо отметить, что педагог-психолог часто не знает культурных и конфессиональных ограничений и табу. В силу этих же причин часто не может включить в работу родителей школьника.

Предлагаемые многими специалистами в качестве альтернативы языковому консультативному взаимодействию арт-методы часто не вызывают отклика, особенно у мальчиков-подростков, а другими инструментами, позволяющими работать с содержанием без высокой вербальной нагрузки (например, позаимствованными из NLP или КПТ), педагоги-психологи, как правило, не владеют (что, естественно, так как обычно учебные планы подготовки специалистов таких подходов не предусматривают).

6. *Игнорирование проблем жертв травли из числа коренного населения в классах с преобладающим числом детей-мигрантов.* Буллинг-процессы в отношении представителей национального большинства в школах с преобладанием детей из числа меньшинств имеют свою специфику, обусловленную тем, что «школьник-мишень травли» в этом случае подвергается более интенсивному преследованию (Собкин, Смыслова, 2014). С нашей точки зрения, это не является универсальным законом, но является наиболее вероятным сценарием, что связано с механизмом компенсации. Тем не менее, учеников-подростков с низкой успеваемостью или проблемным поведением, иногда определяют («ссылают») в классы с явным преобладанием школьников с мигрантской историей, что не является педагогической мерой и, соответственно, недопустимо к применению в педагогической практике. В то же время необходимо понимать, что в некоторых случаях такое распределение является единственно возможным (в силу компактного проживания мигрантов и диаспор

в определенных районах), и в этом случае необходимо обеспечивать особое внимание школьникам из числа детей «принимающей стороны».

7. Ограниченные ресурсы в реализации профилактических программ.

Профилактическая программа для обеспечения своей эффективности требует участия всех субъектов образовательного пространства. В многонациональных школах, и тем более в школах с преобладающим числом детей с мигрантской историей, полноценное участие всех субъектов – архисложная задача в силу целого ряда обстоятельств.

Учителю часто не хватает компетенций для работы с детьми других национальностей и конфессий, но именно от отношения педагогов к обучающимся с миграционной историей во многом зависит эффективность превенции буллинга (Лаврентьева, 2025).

Отсутствие готовности специалистов к работе в интерактивном формате по обучению конструктивному разрешению конфликтов и превенции школьной травли секвестрирует профилактическую работу до отработанного «знакомства с национальными блюдами и (или) костюмами», что, безусловно, позволяет что-то новое и полезное узнать о школьниках других национальностей, возможно, их родителях, но не научает взаимодействовать в трудных ситуациях.

Анализ эффективности уже реализованных программ профилактики буллинга, представленных в публикациях последних лет (Андронникова, Кошенова, 2025), показывает, что важным ресурсом в предупреждении и преодолении школьной травмы является возможность привлечения родителей. В данном случае сложно, а иногда и фактически невозможно опираться на помощь родителей, в том числе в силу языкового барьера и (или) культурных традиций.

Существуют очевидные трудности с просоциальной внешкольной реализацией подростков с мигрантской историей (табу на спорт, занятия танцами для девочек; недоступность платной внеурочной деятельности и пр.) ограничивают социальные контакты «кругом своих», не позволяют в полной мере продемонстрировать свои таланты сверстникам не только «ingroups», но и «outgroups», что давало бы им дополнительную привлекательность в глазах

одноклассников.

Таким образом, анализ «болевых точек» организации профилактики травли в образовательных учреждениях, обучающих детей и подростков с мигрантской историей, в том числе в школах с преобладающей численностью детей мигрантов, позволяет сделать выводы не только о том, что этническое и культурное разнообразие увеличивает риски виктимизации в классе, реализации школьной травли, но и о том, что вопросы профилактики и коррекции деструктивных процессов требуют понимания содержательных характеристик буллинг-процессов в специфических условиях.

Решение вопросов, связанных с школьной травлей, не должно и не может быть ответственностью только педагогов-психологов и социальных педагогов, или службы медиации, необходимо включение всех субъектов образовательного пространства для сохранения психологического здоровья каждого.

Информирование педагогов, родителей, детей - необходимая, но недостаточная мера профилактической работы; принципиально важным является формирование социальной компетентности взрослых и детей.

Очевидная необратимость миграционных процессов в современном мире требует особого внимания управленческих структур сферы образования к исследованию проблемы профилактики и преодоления буллинга в многонациональных образовательных учреждениях, обеспечению формирования необходимых компетенций специалистов сопровождения.

Литература

1. Андронникова, О.О., Кошенова, М.И. (2025) Виктимизация в образовательном пространстве школы: обзор зарубежных исследований. *Социально-гуманитарные знания*, 2025. 10, 437-447
2. Андронникова, О.О., Кошенова, М.И. (2025) Школа как территория виктимизации: теоретический абрис проблемы (по материалам научных публикаций). *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 2025, Т. 10, 2(38), 115-137.

3. Белобрыкина, О.А. (2025) Дистинктивно-компетентностный принцип в диагностике буллинг-процессов (травли) в социальном взаимодействии (на примере сферы образования). *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 2025, Т. 10, 3(39), 188-220.
4. Лаврентьева, З.И. (2025) Отношение учителей к обучающимся с миграционной историей как фактор превенции буллинга в образовательной организации. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 2025, 3(72), 269-278.
5. Собкин, В.С., Смылова, М.М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования). *Социальная психология и общество*, 2014, Т.5, 2, 71-86.
6. Armitage R. Bullying in children: impact on child health // *BMJ paediatrics open*, 2021, V.5, Is.1.
7. Bardach, L., Yanagida, T., Gradinger, P., & Strohmeier, D. (2022). Understanding for Which Students and Classes a Socio-Ecological Aggression Prevention Program Works Best: Testing Individual Student and Class Level Moderators. *Journal of youth and adolescence*, 51(2), 225–243.
8. Maynard B.R., Vaughn M.G., Salas-Wright C.P., Vaughn S. Bullying Victimization Among School-Aged Immigrant Youth in the United States. *The Journal of adolescent health: official publication of the Society for Adolescent Medicine*, 2016, V. 58, Is.3, 337-344.